УДК 811.111’23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-92-107

ПРОЕКЦИЯ ТЕКСТА КАК ГЕНДЕРНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Масленникова Евгения Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка
Тверской государственный университет
170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
e-maslennikova@inbox.ru; *evegeniyam@mail.ru*

Интерпретационный диапазон текста допускает языковую вариативность в трактовке параметров Мира текста, в том числе связанных с гендером действующих персонажей и с гендерно обусловленными особенностями объектов, предметов, событий. Перевод как письменно зафиксированная личностная (читательская) проекция текста позволяет фиксировать кросс-культурную асимметричность гендерной категоризации, обусловленную позиционированием переводчика как первичного читателя по отношению к событиям и явлениям из Мира текста. Сложившиеся в принимающей текст культуре представления о гендерных стереотипах влияют на переводческую концептуализацию мужественности и женственности как культурных категорий, когда переводчики пытаются «выровнять» кажущийся им межкультурный гендерный дисбаланс, переконструируя всю конситуацию. Перевод как личностная текстовая проекция оригинала часто становится вербальной манифестацией гендера переводчика, который, в свою очередь, присваивает себе «голос автора» (термин М. Бахтина), находясь при этом под влиянием сложившихся коммуникативно-гендерных стереотипов. Гендер переводчика и его гендерный психотип играют важную роль при художественном переводе. Цель статьи – показать особенности гендерной стереотипизации и влияние переводческих маскулинных / феминных образных механизмов мышления на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом и гендера персонажей в частности.

***Ключевые слова**:* текст, понимание, перевод, интерпретация, гендер, стереотипизация, категоризация

Введение

Гендер как особый социальный и социолингвистический феномен рассматривается во многих работах, где исследуется роль гендерного фактора в обществе, культуре и языке. Обзор литературы по истории гендерных исследований и их основных направлений представлен в [Гриценко 2005; Кирилина 1999; Мурашова, Правикова 2016; Томская, Маслова 2005 и др.].

Во второй половине XX в. начало формироваться гендерно-ориентированное направление в теории перевода, получившее четко выраженное феминистское начало. Л. Чемберлен [Chamberlain 1992] указывает на исторически сложившийся мужской шовинистический подход к переводу, когда сформировались его гендерные метафорические описания. Отношение к переводным текстам как к «красивым неверным» (les belles infidèles) указывало на то, что тексты, как и женщины, могут быть верными, но при этом некрасивыми, и, наоборот, красивыми, но несхожими с оригиналом. Из-за

принадлежности слова *traduction* ‘перевод’ во французском языке к женскому роду метафорические описания перевода получают сексистский подтекст, когда переводу (как и лицу женского пола) предъявляют обвинения в неверности. Л. Чемберлен подчеркивает, что в отдельные исторические периоды переводами занимались преимущественно женщины, так как этот вид деятельности (с точки зрения мужчин-авторов) считался вторичным и производным. Действительно, общество часто одобряло переводческую деятельность как вид заработка, подходящий для приличной дамы или молодой девушки. Например, З.Н. Журавская (1867–1937) была вынуждена зарабатывать переводами после развода с мужем. Н.А. Жаринцева (1870–?), жена генерал-майора Д.Ф. Жаринцева, способствовала своими переводами огромной популярности творчества Джерома К. Джерома в России, о чем он сам пишет в автобиографии «My Life and Times» (1926). Поэтесса и писательница Б. Толемаш / Hon. Beatrix Lucia Catherine Egerton Tollemache (1840–1926), чья родословная восходит к Вильгельму Завоевателю и королю Генриху VII, выучила русский язык в зрелом возрасте и опубликовала сборник своих переводов «Russian sketches, chiefly of peasant life» (1913).

Феминистская политика в области теории и практики перевода

В целом, феминистская теория перевода касается трех основных проблем: 1) «видимость» переводчика (visibility of translation), 2) передача женщинами-переводчицами сексистских взглядов авторов-мужчин (womanhandling misogany – буквально: ‘женское женоненавистничество’) и 3) гендерно-обусловленные используемые стратегии перевода.

Западные исследователи призывают переводчиц описывать свои взгляды на исходный текст и переводческие стратегии (feminist practice and strategies), выбранные ими с целью ниспровергнуть оригинал (subvert the original), с которым они не согласны [Arrojo 1994].

«Видимость» переводчика и гендерный (психо)тип личности

Положение о «видимости» переводчика развивается в работах Л. Венути [Venuti 1995 и др.]. Часто «видимость» переводчика связывают с его креативностью, объясняя это тем, что перевод признается формой активного чтения, из-за чего переводческая деятельность, оказывающаяся под влиянием социокультурных, идеологических и этических факторов, не может быть сведена к простой передаче значений [Varney 2008].

Материалом для настоящей статьи послужили переводы произведений русской и англоязычной литературы на английский и русский языки, выполненные в XIX-XXI веках. Сложность сбора материала для анализа гендерной стереотипизации и влияние переводческих маскулинных / феминных образных механизмов мышления на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом и гендера персонажей в частности заключается в том, что даже в условиях сосуществования нескольких переводов одного и того же текста процентное соотношение его «мужских» и «женских» переводов достаточно неравномерное, не говоря уже о количестве анонимных переводов, публикуемых в традиционном печатном виде или в Интернете. Так, из 17 переводов романа «A Study in Scarlet» (1887) А. Конан Дойля (1859–1930) на русский язык авторство трех дореволюционных переводов не указано (1904; 1904; 1908) и только четыре перевода выполнены переводчицами (М.П. Волошинова, 1901; Н. Войтинская, 1946; Н. Тренева, 1968 и др.; И. Доронина, 2005). Кроме этого, некоторые переводчики образуют «смешанные» творческие пары (А. Глебовская, С. Степанов, 2005). Первой переводчицей романа стала вдова статского советника М.П. Волошинова: ее общественный статус

заставляет предположить наличие каких-либо личных обстоятельств, подтолкнувших женщину к литературным заработкам. Что касается самого переводимого на русский язык английского автора – В. Шекспира (1564–1616), то, если не учитывает анонимов или переводчиков, спрятавшихся за гендерно-неопределенными псевдонимами типа Assonnetor, Loveless или Дельта, оказывается, что из 166 человек, создавших 2420 поэтических переводов, только 27 являются переводчицами, чьи 275 переводов составляют только 11% от общего количества текстов.

Трансформация образов сознания в процессе перевода, выбор соответствующих стратегий для решения вербальных задач, в том числе по имплицированию и разрешению неоднозначности, зависят от особенностей личности переводчика, которая становится одним из текстоформирующих факторов, влияя на профилирование концептуальных признаков. Когда после аварии актеру из романа Дж. Чейза (1906–1985) «You're Dead Without Money» (1972) ампутировали ступню, глава киностудии разрывает контракт с искалеченным плейбоем, снимающимся в жанре экшн в амплуа неотразимого романтического героя, по причине нерентабельности коммерческих проектов с его участием. Авторское сравнение калеки с евнухом (*as saleable as a contraceptive to a eunuch* 'подходит для продажи как противозачаточное средство для евнуха') расшифровывается с опорой на внешний и внутренний виды контекста: в «женском» переводе этими средствами названы *таблетки* (М. Савелова, 1993), а в «мужском» переводе – *презервативы* (А. Санин, О. Трауберг, 1992).

Споры о влиянии гендерной принадлежности переводчика на результат его профессиональной деятельности также касаются так называемого «идеального перевода»: «идеальным можно было бы считать перевод, в котором нет никаких признаков, указывающих на то, кто является его автором – мужчина или женщина, т.е. гендерно нейтральный перевод» [Трепышко, Чугунова 2015: 364]. Оптимальным решением проблемы проявления акцентуализации мужского / женского начала называется совпадение гендерных характеристик автора текста и его переводчика [Мамаев 2016]. Однако Ю.А. Сорокин указывал на несовместимость автора и переводчика «в психотипическом отношении <...> с различной фокусировкой сознания и чувств» [Сорокин 2001: 12], которая может стать препятствием для профессиональной деятельности, когда *Я*–переводчика способно изменить исходный авторский Мир текста. Впервые русскоязычный читатель познакомился с героями романа А. Кристи «Ten Little Niggers» (1939) благодаря совместному «мужскому» переводу Н. Уманца и С. Никоненко, чьи «Десять негритят» (1987) вышли со значительными сокращениями. Одним из пропущенных эпизодов оказался внутренний монолог бывшей гувернантки, вспоминающей об обстоятельствах, подтолкнувших ее пойти на преступление, когда она позволила далеко заплыть в море и утонуть своему подопечному, который стоял у любимого ею мужчины на пути к получению наследства.

Гендерные параметры оригинала как критерий эквивалентности

Одним из параметров эквивалентности оригинала и перевода предлагается считать степень сохранения коэффициента маскулинности исходного текста [Мамаев 2015]: математико-статистический анализ трех переводов романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (М. Абкина, 1960; В. Чухно, 1999; А. Грызунова и М. Немцов, 2010) и трех переводов романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (Натан Хаскелл Доул, 1887; Констанс Гарнетт, 1901; Р. Пивер и Л. Волохонская, 2000) показал, что самый высокий коэффициент маскулинности сохраняют переводы, выполненные совместно мужчиной и женщиной.

А.Г. Фомин [2004], выделяя три гендерных типа личности (маскулинный, феминный, андрогенный) и называя маскулинность, феминность и андрогинность социокультурными понятиями, предлагает говорить о лингвогендерном уровне языковой личности, чье речевое ситуативное поведение зависит не только от принадлежности к биологическому полу, но и к гендерному типу, а гендерные стереотипы, в свою очередь, предопределяют специфику и особенности вербальной и невербальной деятельности индивида. Согласно данным психологического тестирования по вопроснику «The Bem Sex Role Inventory» (BSRI) большинство опрошенных обучающихся по профилю «Перевод и переводоведение» студентов-старшекурсников (70,58%) относится к андрогинному гендерному психотипу, причем переводы, выполненные испытуемыми именно этого гендерного психотипа, были признаны более профессиональными [Трепышко, Чугунова 2016]. При этом указывается, что андрогины женского пола успешнее справились с поставленной задачей по переводу отрывков из художественных произведений англоязычных (британских и американских) авторов на русский язык. Андрогины мужского пола предпочли пропускать сложные для перевода места. Как оказалось, испытуемые феминного гендерного типа реже использовали лексические и другие виды трансформаций, а чаще прибегали к буквальному переводу, старались передать образность и по возможности избегать стилистически сниженной лексики и грубых выражений.

Гендерное *Я*–переводчика может оказаться неустойчивым. Так, в случае автоперевода маскулинность / феминность получаемого вторичного текста часто отличается от исходных параметров оригинала. В случае с В.В. Набоковым расчет показателей маскулинности для автоперевода «Лолита» (1967) романа «Lolita» (1955) и автоперевода «Speak, Memory» (1966) автобиографии «Другие берега» (1954) показал проявление маскулинного гендера в оригинале и явные фемининные черты автоперевода [Мамаев 2016].

Вопрос о возможности создания гендерно-нейтрального перевода, когда переводчик переходит на метагендерный уровень («общечеловеческий» уровень в понимании А.В. Кириллиной), остается открытым, так как проводимые экспериментальные исследования не позволяют четко разграничить и подробно описать признаки речевого поведения, обусловленные биологическим полом, и признаки речевого поведения, обусловленные гендерной принадлежностью индивида [Вязигина 2012].

Как подчеркивает А.В. Кирилина, гендер «акцентирует социально-культурную, а не природную доминанту пола» [Кирилина 1999: 27], поэтому гендерная социальная роль переводчика с учетом норм и правил принимающего вторичный текст социума влияет на перевод как вторичную читательскую проекцию. Например, герой рассказа А. Кристи «The Coming of Mr Quin» (1924) пожилой холостяк-сноб мистер Саттерсвейт получает удовольствие от светских сплетен и наблюдений за окружающими. Подобную черту характера своего героя, подмечающего ускользающие от внимания других людей малозаметные детали, писательница называет женской стороной его натуры (*the feminine side*; *had a large share of feminity*), что в принципе подтверждает выводы исследователей о типично женском типе коммуникации [Шаров 2012 и др.]. Оказавшись в гостях, он задумался о причинах, заставивших блондинку перекраситься в брюнетку (*Why did Mrs. Portal dye her hair?*): о важности этого обстоятельства для разгадки тайны свидетельствует выделение в оригинале целого предложения курсивом. По вполне понятным причинам переводчики-мужчины предпочли сократить часть рассказа о

женском начале в характере джентльмена. В переводе А.И. Ганько (2002), о личности которого сообщается (https://fantlab.ru/translator2332), что это редакционный псевдоним, используемый издательством «Центрполиграф», от всего эпизода осталось только одно предложение (*Странно, почему она красит волосы?*).

Препятствием к переводу текстов, где затрагиваются какие-либо гендерные аспекты или, шире, вопросы по гендерной проблематике, становятся культурные и языковые контексты (cultural and / or language contexts), коннотации и культурные значения (cultural meanings), культурные фреймы (cultural frameworks), принятые в обществе социокультурные индикаторы [Guizzo, Alldred, Foradada-Villar 2018]. Например, в сказке «The Star-Child» (1891) О. Уайльд создает поэтическое описание зимнего леса с замерзшим горным потоком (*the Mountain-Torrent*), который, а в оригинале он относится к женскому роду (*she was hanging motionless in air*), поцеловал *Ледяной Король* (*the Ice–King*). Дореволюционные переводчики сказки не испытывали каких-либо сложностей с решением проблемы, кто и какого пола кого поцеловал: *Ледяной Царь сковал* Горный поток *своим поцелуем* (С. Займовский, 1906), *Ледяной Царь поцеловал его* (Перевод Т. и С. Бертенсон, 1909; М. Ликиардопуло, 1911). В переводе-пересказе Ел. Буланиной (1908) введена привычная реалия, не меняющая при этом отношений персонажей: *под холодными поцелуями дедушки-Мороза*. И.П. Сахаров (1908) задал другое действие: *Ледяной Царь приказал Горному Потоку остановиться*. Современные переводчики изменили гендерную принадлежность: *Королева Льда поцеловала Горный Водопад* (Т. Озерская, 1960), *Ледяной Король* заворожил *поцелуем горную Реку* (А. Грызунова, 2010), *дыхание Ледяного Князя коснулось речки* (П.В. Сергеев и Г. Нуждин, 1998).

Гендер, сексизм и идеологическая «чистка» текста

Феминистская политика в области переводов «мужских» текстов касается случаев, когда переводчицы испытывают проблемы с передачей сексистских взглядов (womanhandling misogyny) авторов-мужчин. Обсуждается право на нейтрализацию авторской шовинистической позиции и на переконструирование Мира текста, приспосабливая его к женскому коммуникативному стилю. Например, в романе И. Флеминга «Thunderball» (1961) Джеймс Бонд, мучаясь похмельем, сравнивает улыбку дамы из карточной колоды с улыбкой Моны Лизы, назвав ее глупой (*that stupid Mona Lisa smile*). Образ изображенной на портрете работы Леонардо да Винчи дамы входит в группу универсально-прецедентных феноменов. Т. Тульчинская (1990) снимает все негативные эпитеты: из *глупой* (*stupid*) улыбка стала *непроницаемой*, а дама с *толстым* лицом (*fat face*) оказалась *круглолицей*. Переводческий тандем (Ю. Никитина и В. Исхаков, 1991) сохраняет взгляд героя на предмет (*идиотская улыбка Моны Лизы на жирном лице*).

Также прослеживается обратная тенденция. В случае «мужского» перевода «женского» текста часто реализуется стратегия «manhandling» по причине идеологической чистки в виде фильтрации, модификации, элиминирования гендерно маркированных смыслов, часть из которых изначально не может быть распредмечена по причине гендера переводчиком и наличия гендерно обусловленных ценностей, стереотипов и идеологии в целом, что приводит к изменению авторской концепции [Леонтьева 2012]. Гендерная переориентация оригинала представляет собой социокультурную адаптацию, когда проявляется социально-гендерная идентификация как часть *Я*–концепции, что имело место в «мужском» и «женском» переводах романа А. Кристи «Sparkling

Cyanide» (1944) на русский язык. В оригинале жена графа довольна и успешным в глазах света браком одной из своих дочерей (*the parti of the season*), в отношении которого она использует французское слово *parti* ‘выгодная партия в браке’. На выбор Э. Островским (1990) просторечного глагола *окрутить* ‘заставить жениться’ (*умная девочка, окрутила юного герцога Харвига*) оказали, возможно, влияние ставшие традиционными субъективные ассоциации, связанные с ситуацией брака и женитьбы: в русском языке глаголы *жениться* и *окрутить* используются по отношению к мужчинам, которым отводится пассивная роль в выборе жены и последующего заключения брака. О подобном отношении к браку свидетельствуют примеры из русской классической и современной литературы: *... выкрасть меня <...>, а потом окрутить с этим бревном, паскудной Парашкой!* (П.И. Мельников-Печерский, 1875-1881), *Меня хотят окрутить во что бы то ни стало* (А.П. Чехов, 1885-1886), *... окрутить его будет несложно* (А. Маринина, 1995); *И этого человека решила окрутить Настя Кусакина* (Д. Донцова, 2004). В «женском» переводе А. Ставиской (1991) героиня просто *выходит замуж*.

На перевод влияют сложившиеся в обществе гендерные стереотипы о нормах мужского и женского поведения в определенных ситуациях общения, а также выбор соответствующих стратегий действования. События из романа «Trusted Like the Fox» (1948) Дж.Х. Чейза относятся к послевоенной эпохе, когда женская мода предписывала пудрить лицо и наносить яркую губную помаду. В одном из эпизодов героиня пытается добавить себе привлекательности с помощью косметики. В оригинале она держит в руках *пуховку* (*the huge puff*), традиционно изготовляемую из лебяжьего пуха (*the yellow ball of swan's*), но в «женском» переводе Р. Мирсалиевой (1993) *пуховка* превращается в *желтое полотенце*, а героиня начинает гордиться *красивым телом*. В «мужском» переводе В. Брюггена (1995) героиня, очутившись в незнакомой комнате, решила *продегустировать по запаху* увиденные *на туалетном столике дорогие духи*. Возможно, в данном случае проявились представления о гендерных схемах поведения, частью которых является стереотип о женском любопытстве.

Столкновение в тексте Миров автора и читателя через получаемые его текстовые проекции предполагает актуализацию отдельных параметров их личностей, что также предопределяет выбор стратегий ассоциирования, которые, в свою очередь, при переводе зависят от культурной составляющей двуязычной текстовой коммуникации. Пытаясь ухаживать за девушкой, герой детского стишка «Curly locks» из «Nursery Rhymes» обещает возлюбленной зажиточную жизнь, когда ей не придется мыть тарелки (*wash dishes*) и кормить свиней (*feed the swine*), а досуг она посвятит изысканным вышивкам (*sew a file seam*) и лакомствам (*strawberries* ‘клубника’, *sugar* ‘сахар’, *cream* ‘сливки’), которые были недоступными для бедных слоев населения. О настойчивом желании говорящего убедить в серьезности своих намерений свидетельствует употребление модального глагола *shall* в комбинации со вторым лицом (*Thou shalt not wash dishes*). «Мужской» перевод Г. Варденги отличается прямотой (*Хочешь быть моей?*), а О. Седакова обыгрывает ласковое обращение (*голубка моя*) и условное наклонение (*была бы ты моей*; *не мыла бы*, *сидела бы*; *ела бы*), для нее указателями будущей обеспеченной жизни становятся дорогие материалы для вышивки (*шелком вышивала*).

В русском языке существуют лексические пары с выраженным гендерным делением согласно категории рода (типа *учитель – учительница*, *певец – певица*, *заяц – зайчиха* и т.д.). В английском языке для применения формальных грамматических призна-

ков рода внутри подобных пар имеются ограничения. В современных контекстах крайне редко встречаются слова типа *authoress* ‘писательница’, *clerkess* ‘женщина-клерк’, *doctress* ‘женщина-врач; жена врача; дочь врача’, *huntress* ‘женщина-охотница’, *priestess* ‘жрица’. Перевод детского стихотворения «Mary had a little lamb» отражает сложившиеся в принимающем социуме стереотипы относительно гендерной принадлежности школьных учителей (*the teacher did reply*). То, что у С.Я. Маршака занятия в *первом классе* ведет именно *учительница* (*вошла учительница в класс*), объясняется существующей моделью гендерного статуса, так как в большинстве случаев в начальной школе обычно преподают женщины. Ю. Сабанцев не уточняет возраст школьников, поэтому в его переводе *учитель объяснил*. Кстати, согласно «Национальному корпусу русского языка» (ruscorpora.ru) рост частотности для *учительницы* начинается постепенно с 1860-х годов, когда, как описал ситуацию Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1865–1877), в домашние учительницы были вынуждены пойти *бедные дворянки* (*А дальше – челядь разная:* / *Учительницы, бедные* / *Дворянки*).

Гендер, доместикация и форенизация

Модель доместикации [Venuti 1995 и др.] соотносится с положениями пост-колониального подхода к переводу, когда переводчик, играющий роль мужа или хозяина, «приручает» текст для вторичного читателя из принимающей культуры. Форенизация предполагает сохранение иноязычной и инокультурной «инаковости» оригинала в соответствии с требованием не допустить того, чтобы переведенный текст позволил читателю из принимающей культуры забыть, что это именно перевод, а не текст, написанный на его родном языке. В отношении передачи гендерной спецификации текста при переводе с позиции доместикации и форенизации можно говорить 1) о влиянии сложившейся в принимающей культуре литературной традиции и 2) о влиянии гендерных стереотипов и стандартизированных представлений о моделях поведения, в том числе с учетом культурной специфики сфер оригинала и перевода.

Переводы басни И.А. Крылова «Осел и Соловей» (1811), где герои *Осел*, его *дружище* и *мастерище петь Соловей* и *петух* представлены существами мужского рода, оказались под влиянием поэтики английской литературе и ее кодов. Дж. Бауринг / J. Bowring (1821) изменяет гендерную принадлежность *любимца и певца Авроры – Соловья* в соответствии с английской поэтической традицией, где разграничиваются формально идентичные существительные *Philomel(a)* ‘Филомела, соловей’ и *nightingale* ‘соловей’, противопоставляемыми друг другу как «поэтизм « нейтральное слово». Образ *Philomel(a)* восходит к мифу о Филомеле и Прокне, поэтому в английской литературе, особенно в поэзии, по умолчанию часто подразумевается, что соловьиная песня печальная, как, например, у В. Шекспира в сонете 102 (*As Philomel in summer's front doth sing, <...> when her mournful hymns did hush the night*). Для *Nightingale* обычно действует тот же мифопоэтический код с указанием на гендер через местоимение женского рода *she* ‘она’. Отметим схожую тенденцию восприятия образа *Филомелы-соловья* в русской поэзии, например, у Н.М. Карамзина в стихотворении «К прекрасной» (1791), *где песни поет Филомела,* / *Кроткая ночи певица,* / *Сидя на миртовой ветви.* Выбранная Дж. Баурингом гендерная принадлежность для *nightingale* (*The nightingale began her heavenly lays*) как *she* ‘она’ заставляет переориентировать весь текст на иной поэтический код с его мифопоэтическими символами: исчезло упоминание о *Соловье* как о *любимце и певце* богини *Авроры* и звучит меланхоличная и нежная (*melancholy*, *soft*) песня. Традиции представления соловья как *she* ‘она’ следует и анонимный переводчик (1842), у

которого соловей – это *she* (*through her cadences she ran*). И. Харрисон / I.H. Harrison (1883) также сохраняет скрытые интретекстовые отсылки к литературной традиции (*говорит ему – to her he spoke*; *являть свое искусство – began her wondrous skill to show*; *вспорхнул и полетел – takes her flight far*). У. Ральстон / William Shedden-Ralston (1869) «путается» с родом *соловья*, относя его по правилам английской грамматики сначала к среднему роду (*говорит ему – said to it*; *являть свое искусство – manifest its art*), потом к женскому роду (*her voice die away*) и опять к среднему (*вспорхнул и полетел – took to its wings and flew*). Примечательно, что позднее профессор Нью-Йоркского университета Ф. Купер / Frederic Taber Cooper переработал перевод У. Ральстона для своей книги «An argosy of fables» (1921), заменив везде род соловья на женский (*говорит ему – said to her*; *являть свое искусство – display her art*; *her voice die away*; *she poured forth a shower of tiny notes*). В переводах XX в. *соловей* представлен как *he* ‘он’, например у Ч. Коксвелла / C. Fillingham Coxwell (1920), что, вероятно, свидетельствует об утрате связей образа *соловья* с классическим мифом для массового читателя.

Важную роль при (ре)конструкции гендера в переводе играют экстралингвистические факторы. Например, традиционно садовниками в английских поместьях всегда работали только мужчины, поэтому мальчик-подмастерье высмеивал хозяина перед садовниками, но, поскольку в английском языке отсутствуют окончания, позволяющие отнести предмет к грамматическому роду (типа парных *садовник – садовница*, где признак гендерности мотивирован соответствующим существительным мужского рода), то в переводе он развлекал *садовниц* (Л. Кунельский и Н. Кунельская, 1990). В этом случае, возможно, переводчики руководствовались какими-то собственными представлениями обо всей ситуации или же отталкивались от сложившегося пасторального образа прекрасной *садовницы*.

Переконструирование гендера идет в соответствии со стереотипами и конвенциональными представлениями о ситуативной (не)уместности поведения в соответствующей ситуации.

Со времен В. Шекспира существовала традиция торговать сладостями, апельсинами и напитками в зрительном зале: фаворитка Карла II актриса Нелл Гвин / Nell Gwuin (1650–1687) начинала свою карьеру продавщицей апельсинов. По мнению М. Абкиной (1960) в романе «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда разносили товар не женщины (*Women went about with oranges and ginger-beer*), а мужчины (*ходили продавцы имбирного пива и апельсинов*). Переводческий тандем (А. Грызунова и М. Немцов, 2010) считает, что зрители пришли со своей едой (*Женщины возились со своими апельсинами и имбирным пивом*).

Актуализированная гендерная идентичность и литературный стиль. Гендер и стратегии перевода

Установлено, что в русском языке отсутствуют сильные границы между мужской и женской речью, но отличительными чертами мужской речи являются терминологичность, точность номинаций, использование сниженной и бранной лексики, а для женской речи характерны гиперболизованная экспрессивность, интенсификация положительной оценки [Земская и др. 1993]. В действительности гендерлекты не всегда четко проявляются, что делает возможной имитацию «мужского» и «женского» стиля [Ощепкова 2003]. Считается, что женский литературный стиль подразумевает репрезентацию интуитивной рациональности и проявление твердого рассудка и морали, сочетание опыта и интуитивного знания [Шаров 2014]. Англоязычные женщины-авторы

чаще прибегают к различным лексическим выразительным средствам, а мужчины-авторы – к синтаксической экспрессивности через синтаксические повторы, парцелляты и умолчание, неполные предложения и эллипсис [Серова 2003]. При этом современные тексты, чьими авторами являются женщины, отличаются не только образностью, наличием большого числа эпитетов, метафор, сравнений, междометий, диминутивов, прилагательных в превосходной степени, вопросительных и восклицательных предложений и превосходят «мужские» тексты по количеству бранной лексики [Куликова 2011].

В «женских» переводах женских романов присутствует более высокая частотность прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и используется экспрессивная лексика для создания дополнительной экспрессивности и эмоциональности, а переводчики-мужчины избегают междометий и прилагательных в превосходной степени, предпочитая не передавать бранную лексику, которую вкладывают в речь персонажей писательницы для выражения отношения к предметам и явлениям [Куликова 2011 и др.]. Ю.С. Куликова делает вывод, что «мужские» переводы женских романов отличаются краткостью и деловитостью изложения, а в «женских» переводах исходные женские образы оказались малопривлекательными. Вероятно, подобная тенденция характерна и для других типов художественных текстов: уличная женщина из романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) *шамкает беззубым ртом* (Д. Целовальникова, 2018), тогда как в оригинале у нее хриплый голос (*hoarse echo from her flat mouth*).

Отличительными чертами «женских» переводов признаются лингвокреативность [Еремина 2014], добавление информации [Дробышева 2008] и украшение текста путем ввода усилительных прилагательных и гипербол [Трепышко, Чугунова 2015]. Современные переводчицы сказок О. Уайльда дописывают эпизоды за автора: в «Счастливом принце» ангел *заглянул в магазин ювелира* и собирается подарить принцу и ласточке *мешок рубинов, два мешка сапфиров и три мешка золота* (Л.С. Шутько, 2010), а в «Преданном друге» вдруг рассказывается о бедном детстве главных героев (В. Гетцель, 2010). Роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» в переводе Д. Целовальниковой (2018) получил большое число диминутивов и прилагательных в превосходной степени типа *spectacles* ‘очки’– *очочки*, *hands* ‘руки’– *ручки*, *dreadful houses* ‘ужасные дома’ (вариант интерпретации из-за другого значения у *houses* – ‘ужасные пивные’) – *низкопробнейшие публичные дома*, *hideous* ‘ужасный, страшный’ – *богомерзкий*. При этом переводчица с легкостью заполняет все непонятые «темные» места оригинала, получая, например, из двух фарфоровых блюд (*two globe-shaped china dishes*) *фарфоровую сахарницу и молочник*. На русском языке исторический роман В. Скотта «Айвенго» (1819) обычно переиздается в переводе Е.Г. Бекетовой (1882), которая постоянно путается при описании рыцарского вооружения, называя, например, *short battle-axe* ‘боевой топор’ для ближнего боя *бердышом*, т.е. длиннодревковым оружием, а *two-handed sword* ‘двуручный меч’ – обоюдоострым мечом.

«Мужские» переводы отличаются определенным огрублением стиля. В рассказе А. Кристи «The Neman Lion» из сборника «The labours of Hercules» (1947) племянница сообщает, что компаньонка ее тети переживала из-за смерти комнатной собачки, полученной в наследство. В. Томилов (1989) сделал из пекинеса *болонку* и выбирал глаголы с иными стилевыми регистрами (*she was quite heart-broken – помешалась*, *it died – сдохла*).

Выбор языковых средств переводчиками зависит от их оценки представленной исходной ситуации. В рассказе А. Кристи «The Tragedy at Marsdon Manor» (1924) жена убила мужа, но чтобы в глазах окружающих соответствовать образу безутешной вдовы, она использует для имитации заплаканных глаз румяна (*heavily-rouged eyelids*), чем выдает себя наблюдательному Пуаро. В «мужском» переводе дама изображает *синяки под глазами* (П. Рубцов, 2000). Для переводчиков-мужчин трудность представляют контексты, где речь идет, например, о нарядах. Представители высшего и среднего класса обычно следовали традиции переодеваться к обеду и для приема гостей, поэтому *afternoon frocks* (буквально ‘одежда для второй половины дня’) из романа А. Кристи «The Sittaford Mystery» (1931) трудно представить в виде *повседневных платьев* (А.И. Ганько, 2002). В «женском» переводе женщины *нарядно одетые* (Л.А. Девель, 1986).

Переводческая креативность. Рассматривая перевод как реконструкцию оригинала, исследователи [Varney 2008 и др.] полагают, что необходимо говорить об автономности переводчика (translator autonomy), креативной ответственности (creative responsibility), за текст, возлагаемой на него автором, издателями и вторичными читателями, а также о власти текста (textual authority) и этических ограничениях, касающихся изложенной этической позиции (ethical positioning). К сожалению, границы креативности часто оказываются очень неопределенными как для «мужских», так и для «женских» переводов. В сказке О. Уайльда «Счастливый принц» (1888) на балкон дворца вышли девушка и ее возлюбленный (*lover*), который оказывается *блестящим морским офицером* (С.А. Гордиенко, 2013), а в другом «женском» переводе эта же пара превращается в двух женщин со *злыми и равнодушными лицами* (Л.С. Шутько, 2010).

Проблема гендера в отечественном переводоведении

Работы российских ученых, посвященные проблемам передачи и / или сохранения гендера при переводе, обычно носят сравнительно-сопоставительный характер и строятся на материале какого-либо одного текста или нескольких текстов одного жанра и перевода (переводов). Часто выбираются английские авторские литературные сказки, начиная от Л. Кэрролла, Р. Киплинга и О. Уайльда до Дж. Роулинг [Вдовина, Фомин 2015; Денисова 2011; Еремина 2014; Загриева 2017; Карпухина 2012; Мостепанов 2011; Чернышева 2013]. В большинстве случаев рассматривается проявление межъязыкового гендерного конфликта, вызванного расхождениями биологического рода и грамматической категории рода в языке. К сожалению, небольшой объем анализируемого материала часто не позволяет принять выводы исследователей или согласиться с ними. Например, сравнение только двух переводов сказки О. Уайльда «The Remarkable Rocket» (1888) на русский язык [Денисова 2013] показал, что на синтаксическом уровне гендерная принадлежность переводчика проявилась в передаче вопросительного номинативного эллиптического предложения (*BAD Rocket?*): повтор З.Н. Журавской восклицательного эллиптического предложения (*Скверная!*) подтверждает (по мнению автора) повышенную эмоциональность женщин с их любовью к восклицательным и вопросительным предложениям, тогда как П.В. Сергеев и Г. Нуждин (1998) дополнительно прибегли к использованию заглавных букв. Однако проведенное нами сравнение остальных переводов этой сказки не позволяет признать столь категорично влияние гендерного фактора. Аналогичное решение с параграфемным шрифтовым выделением (*ПАРШИВЫЙ ФЕЙЕРВЕРК?*) принимает А. Грызунова (2010). М.Ф. Ликиардопуло (1911), выполнивший ряд авторизированных переводов произведений О.

Уайльда благодаря своим литературным связям в кругу друзей писателя, усиливает эмоциональность отношения к ситуации, сочетая вопросительный знак и восклицательный знак (*Скверная ракета?!*). Возникает вопрос: к какому гендерному типу можно отнести М.Ф. Ликиардопуло как переводчика?

Автор другого исследования [Мойсова 2009], проведенного на материале повести Р. Баха «Jonathan Livingston Seagull» (1970) и ее переводов на русский язык (А. Сидерский, 1994; М.П. Шишкин, 1989 – интернет-перевод; Елена Горобец – интернет-перевод) и на немецкий язык (Jeanne Ebner, 1970), полагает, что женщина-переводчик менее уверена в себе, а увеличенное количество местоимений и частиц свидетельствует о ее попытке бессознательно самоутвердиться в переводе. На основании только одного перевода О.Б. Мойсова делает вывод о доминировании мужского начала в подсознании Дж. Эбнер. На наш взгляд, в подобных случаях объективную оценку различий между «мужскими» и «женскими» переводами может обеспечить только сравнение всех переводов одного и того же текста: по каким-то причинам, не анализировались переводы Ю. Родмана (1989) и совместный перевод И. Ильина и А. Кальниченко (2004).

Выводы

Для подтверждения или опровержения каких-либо положений относительно гендерно обусловленных причинах изменения авторских образов при переводе требуется больший объем корпуса примеров. Перспективным будет изучение случаев переконструирования социально-гендерных ролей, предписанных автором своим героям, под влиянием принимающей культуры, имеющихся гендерных стереотипах и конвенциональных представлений о (не) уместности поведения в соответствующей ситуации, так как это позволит сравнить существующие системы ценностных лингвокульутрных доминант. Для теории и практики перевода как двуязычной межкультурной текстовой коммуникации особый интерес представляют асимметричные отношения в гендерной категоризации, скрытые (в соответствии с внеязыковой реальностью) и открытые языковые манифестации гендера в тексте.

Литература

Вдовина А.С., Фомин А.Г. Особенности реализации гендерного компонента в художественном переводе (на материале переводов сказок О. Уайльда) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 2-3. С. 145-148.

Вязигина Н.В. Гендерный фактор восприятия и создания письменного текста (экспериментальное психолингвистическое исследование) // Вестник Ишимского гос. пед. ин-та им. П.П. Ершова. 2012. № 1 (1). С. 91-102.

Гриценко Е.С. Гендер и стиль: концептуализация особенностей речевого поведения // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 216-224.

Денисова И.В. Влияние гендерного фактора на перевод имён художественных персонажей // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 10. С. 42-47.

Денисова И.В. Отражение гендерной принадлежности переводчика при переводе художественного произведения // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 29 (320). С. 48-50.

Дробышева Т.В. Художественный текст в гендерном аспекте // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 34-37.

Ерёмина А.А. Гендерные особенности перевода романа Джоан Роулинг «Harry Potter and the Philosopher's stone» на русский язык // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 4-2. С. 161-166.

Загриева О.Е. Проблема изменения гендера персонажей при переводе художественных произведений // Advanced Science. 2017. № 3. С. 480-489.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. С. 90-136.

Карпухина В.Н. Изменения персональных характеристик текстов художественной литературы в процессе межкультурной коммуникации: когнитивно-аксиологический аспект // Вестник Томского государственного педагогического ун-та. 2012. № 10 (125). С. 132-135.

Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 189 с.

Куликова Ю.С. Гендерная специфика переводов (на материале женских романов) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 8. С. 84-87.

Леонтьева К.И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «woman-manhandling»// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (18). С. 133-135.

Мамаев М.М. Выявление гендерных особенностей при самопереводе // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых учёных. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 13-17.

Мамаев М.М. Гендерная атрибуция переводных текстов как специфический случай исследований языкового сознания автора // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. Лингвистика. 2015. № 2. С. 25-31.

Мойсова О.Б. Гендерные особенности интерпретации художественного текста в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 20 с.

Мостепанов А.А. Значимость гендерной идентификации персонажей в сказке Р.Киплинга «Кот, который гулял сам по себе» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 25. С. 108-111.

Мурашова Л.П., Правикова Л.В. Критический анализ гендерных исследований в зарубежной лингвистике // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 33-42.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.

Серова И.Г. Гендер как источник языкового варьирования // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 1 (29). С. 92-103.

Сорокин Ю.А. Зачем существуют переводы и переводчики: размышления для себя // Эйдетика перевода. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 11-14.

Томская М.В., Маслова Л.Н. Гендерные исследования в отечественной лингвистике // Русский язык в современном обществе (функциональные и статусные характеристики). М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. С. 102-130.

Трепышко Д.В., Чугунова С.А. К вопросу о гендерной принадлежности переводчика // Перспективы науки. Казань: ООО «Рокета Союз», 2015. Т. 2 (Социально-гуманитарные науки). С. 359-365.

Трепышко Д.В., Чугунова С.А. О возможном влиянии гендера на психотипическое сходство автора и переводчика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 17-25.

Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2004. 45 с.

Чернышова Е.А. Гендерная категоризация объектов в английском языке: на материале английской авторской сказки: дисс... канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 165 с.

Шаров К.С. Литературное творчество: существует ли женский стиль? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2014. № 5. С. 64-80.

Шаров К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38-51.

Arrojo, R. (1994) Fidelity and The Gendered Translation, TTR: traduction, terminologie, redaction, Vol. 7, Numéro 2, P. 147-163.

Chamberlain, L. (1992) Gender Metaphorics in Translation, Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology. London; New York: Routledge, P. 57-74.

Guizzo, G., Alldred, P., Foradada-Villar, M. (2018) Lost in Translation? Comparative and International Work on Gender-Related Violence, The Routledge Handbook of Gender and Violence. London; New York: Routledge, P. 237-249.

Varney, J. (2008) Deconstruction and Translation: Positions, Pertinence and the Empowerment of the Translator, Journal of Language & Translation, no. 9-1, P. 113-131.

Venuti, L. (1995) The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; NewYork: Routledge. 353 p.

TEXT PROJECTION AS GENDER-CULTURAL INTERPRETATION

Evgeniya M. Maslennikova
Associate Professor
English Language Chair
Faculty of Foreign Languages and International Communication
Tver State University
33, Zhelyabova st., Tver, 170100, Russia
e-maslennikova@inbox.ru; *evegeniyam@mail.ru*

The text interpretational range allows to get a linguistically and extralinguistically influenced variation with a gender-related specification of characters, objects, and events. Translation as a reader's personal written projection of the text makes it possible to fix the cross-cultural asymmetry of the gender category, caused by the translator's positioning as a primary reader of the source text with reference to characters, objects, events and situations represented in the text. Gender stereotypes and cultural categories that have established in the host culture influence conceptualization of masculinity and femininity when translators try to level out the intercultural gender imbalance while reconstructing the whole contextual situation. Translation is seen as a personal textual projection of the source text. It often becomes a verbal manifestation of the translator's gender. Translators are used to assuming the "author's voice" (the term of M. Bakhtin), while being influenced by the prevailing communicative and gender stereotypes. Translators' gender and their gender psychotype turn out to be important, as they manifest themselves in the result of the professional activity, i.e. the target text. The article deals with gender stereotyping and the impact of muscular / feminine creative mechanisms on reconstruction of textual Worlds.

Keywords: text, understanding, translation, interpretation, gender, stereotyping, categorization

References

Vdovina A.S., Fomin A.G. Osobennosti realizatsii gendernogo komponenta v khudozhestvennom perevode (na materiale perevodov skazok O. Uayl'da) [Gender aspects in literary translation (as exemplified in O. Wilde's tales translation)]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kemerovo state university], 2015, no. 2-3, s. 145-148. (In Russian).

Vyazigina N.V. Gendernyy faktor vospriyatiya i sozdaniya pis'mennogo teksta (eksperimental'noye psikholingvisticheskoye issledovaniye) [The gender factor in the perception and creation of a written text (experimental psycholinguistic study)]. Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P.Yershova [Bulletin of Ershov Ishim Teachers Training Institute], 2012, no. 1 (1), s. 91-102. (In Russian).

Gritsenko Ye.S. Gender i stil': kontseptualizatsiya osobennostey rechevogo povedeniya [Gender and Style: Conceptualization of the Specific Features of Speech Behavior], Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of the Language], 2016, no. 24, s. 216-224. (In Russian).

Denisova I.V. Vliyaniye gendernogo faktora na perevod imon khudozhestvennykh personazhey [Influence of the gender factor on the translation of the names of characters in fiction]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 10, s. 42-47. (In Russian).

Denisova I.V. Otrazheniye gendernoy prinadlezhnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniya [Reflection of the translator's gender when translating fiction [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 29 (320), s. 48-50. (In Russian).

Drobysheva T.V. Khudozhestvennyj tekst v gendernom aspekte [Verbal work of art: the gender perspective]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Voronezh State University]. Filologiya. Zhurnalistika [Philology. Journalism], 2008, no. 1. S. 34-37. (In Russian).

Yeromina A.A. Gendernyye osobennosti perevoda romana Dzhoan Rouling «Harry Potter and the Philosopher's stone» na russkiy yazyk [Gender perspective of the translations of Joan Rowling's novel "Harry Patter and the Philosopher's Stone"]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University], 2014, no. 4-2. S. 161-166. (In Russian).

Zagriyeva O.Ye. Problema izmeneniya gendera personazhey pri perevode khudozhestvennykh proizvedeniy [The problem of changing gender of characters when translating works of art]. Advanced Science, 2017, no. 3, s. 480-489. (In Russian).

Zemskaya Ye.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii [Russian language in its functioning]. M.: Nauka, 1993. S. 90-136. (In Russian).

Karpukhina V.N. Izmeneniya personal'nykh kharakteristik tekstov khudozhestvennoy literatury v protsesse mezhkul'turnoy kommunikatsii: kognitivno-aksiologicheskiy aspekt [The fiction texts personal characteristics in cross-cultural communication: the cognitive axiology aspect]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2012, no. 10 (125), s. 132-135. (In Russian).

Kirilina A.V. Gender: Lingvisticheskiye aspekty [Gender: Linguistic aspects]. M.: Publishing house "Institute of Sociology RAS", 1999. 189 s. (In Russian).

Kulikova Yu.S. Gendernaya spetsifika perevodov (na materiale zhenskikh romanov) [Gender specificity of translations (based on women's novels)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2011, no. 8, s. 84-87. (In Russian).

Leont'yeva K.I. Khudozhestvennyy perevod i gender: adaptatsiya v formate «woman-manhandling» [Literary translation and gender: adaptation in format "woman-manhandling"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2012, no. 7-1 (18), s. 133-35. (In Russian).

Mamayev M.M. Vyyavleniye gendernykh osobennostey pri samoperevode [Preservation of gender peculiarities in self-translation]. Aktual'nyye voprosy nauchnoy i nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti molodykh uchonykh [Topical issues of scientific and educational activities of young scientists], M.: Moscow State Region University, 2016, s. 13-17. (In Russian).

Mamayev M.M. Gendernaya atributsiya perevodnykh tekstov kak spetsificheskiy sluchay is-sledovaniy yazykovogo soznaniya avtora [Gender attribution of translated texts as a specific case of study of an author's linguistics consciousness]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University], Series. Lingvistika [Series Linguistics], 2015, no. 2, s. 25-31. (In Russian).

Moysova O.B. Gendernyye osobennosti interpretatsii khudozhestvennogo teksta v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Gender features of the interpretation of fiction due to a comparative-comparative aspect: the author's abstract]: the author's abstract of the PhD thesis. Rostov-on-Don, 2009. 20 s. (In Russian).

Mostepanov A.A. Znachimost' gendernoy identifikatsii personazhey v skazke R. Kiplinga «Kot, kotoryy gulyal sam po sebe» [The Importance of Gender Identification of Characters in R. Kipling's Tale "The Cat That Walked by Himself"]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 25, s. 108-111. (In Russian).

Murashova L.P., Pravikova L.V. Kriticheskiy analiz gendernykh issledovaniy v zarubezhnoy lingvistike [Critical analysis of gender studies in foreign linguistics], Yazyk i kul'tura [Language and Culture], 2016, no. 1 (33), s. 33-42. (In Russian).

Oshchepkova Ye.S. Identifikatsiya pola avtora po pis'mennomu tekstu (leksiko-grammaticheskiy aspekt) [Identification of the author's gender according to the written text (lexico-grammatical aspect)]: the author's abstract of the PhD thesis. M., 2003. 154 s. (In Russian).

Serova I.G. Gender kak istochnik yazykovogo var'irovaniya [Gender as a source of language variation]. Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of Tambov University], Seriya Gumanitarnyye nauki [Series Humanities], 2003, no.1 (29), s. 92-103. (In Russian).

Sorokin Yu.A. Zachem sushchestvuyut perevody i perevodchiki: razmyshleniya dlya sebya [Why do translations and translators exist?]. Eydetika perevoda [Translation Eidetics], M.: MAKS Press, 2001, s. 11-14. (In Russian).

Tomskaya M.V., Maslova L.N. Gendernyye issledovaniya v otechestvennoy lingvistike [Gender Studies in Russian Linguistics]. Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve (funktsional'nyye i statusnyye kharakteristiki) [Russian Language in Modern Society (Functional and Status Characteristics)], M., Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), 2005, s. 102-130. (In Russian).

Trepyshko D.V., Chugunova S.A. K voprosu o gendernoy prinadlezhnosti perevodchika [On the issue of gender interpreter accessories]. Perspektivy nauki – 2015 [Prospects of Science - 2015], Kazan: OOO "Roketa Soyuz", 2015, vol. 2 (Socio-Humanities), s. 359-365. (In Russian).

Trepyshko D.V., Chugunova S.A. O vozmozhnom vliyaniya gendera na psikhotipicheskoye skhodstvo avtora i perevodchika [On possible influence of gender on phycho-typical likeness between author and translation]. Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University], Problemy yazykoznaniya i pedagogiki [Problems of linguistics and pedagogy], 2016, no. 2, s. 17-25. (In Russian).

Fomin A.G. Psikholingvisticheskaya kontseptsiya gendernoy yazykovoy lichnosti [Psycholinguistic concept of the gender language personality]: the author's dissertation of the doctor of philological sciences. Barnaul, 2004. 45 s. (In Russian).

Chernyshova Ye.A. Gendernaya kategorizatsiya obyektov v angliyskom yazyke: na materiale angliyskoy avtorskoy skazki [Gender categorization of objects in English: based on English authors' fairy tales]: the author's abstract of the PhD thesis. Tambov, 2013. 165 s. (In Russian).

Sharov K.S. Literaturnoye tvorchestvo: sushchestvuyet li zhenskiy stil'? [Literary creative work: is there a feminine style]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University], Seriya 7. Filosofiya [Series 7. Philosophy], 2014, no. 5, s. 64-80. (In Russian).

Sharov K.S. Muzhchiny i zhenshchiny v verbal'noy kommunikatsii: problema genderlekta [Men and women in verbal communication: the gender switch problem]. Voprosy filosofii [Issues of philosophy], 2012, no. 7, s. 38-51. (In Russian).

Arrojo, R. (1994) Fidelity and The Gendered Translation, TTR: traduction, terminologie, redaction, Vol. 7, Numéro 2, p. 147-163.

Chamberlain, L. (1992) Gender Metaphorics in Translation, Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology. London; New York: Routledge, p.57-74.

Guizzo, G., Alldred, P., Foradada-Villar, M. (2018) Lost in Translation? Comparative and International Work on Gender-Related Violence, The Routledge Handbook of Gender and Violence. London; New York: Routledge, p.237-249.

Varney, J. (2008) Deconstruction and Translation: Positions, Pertinence and the Empowerment of the Translator, Journal of Language & Translation, no. 9-1, p.113-131.

Venuti, L. (1995) The Translator's Invisibility: A History of Translation. London; NewYork: Routledge. 353 p.